

СИНЕРГИЙНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ – современное направление неклассической антропологии, предложенное и развиваемое в работах С.С.Хоружего (Москва). Признавая необходимость выхода из классической парадигмы, СА не следует образцу классического учения, полагающего в основу некоторые исходные понятия или постулаты, но обращается заново к опыту и практикам человека – отвергая, однако, путь эмпиризма и ставя задачу осмысления, понимающей дескрипции всего многообразия антропологического опыта. Для этой цели избирается стратегия «малейшего спасенного клочка» (Гуссерль) – отыскания исходной хотя бы небольшой области чистого, или *эпистемологически прозрачного* опыта и дальнейшего продвижения за пределы этой области. При этом, задача охвата всей полноты опыта человека требует, чтобы «клочок» был *антропологически репрезентативным*: антропологическая реальность должна быть представлена в нем достаточно всесторонне. Руководясь этими условиями, СА находит, что в качестве исходной опытной сферы может быть принят опыт духовных практик (опыт человека в его отношении к бытию).

Первоначально изучается одна конкретная практика, православный исихазм – мистико-аскетическая практика, составляющая ядро православной духовности и развиваемая в православии, начиная с раннего монашества 4 в. и до наших дней. Первый этап формирования СА – детальная реконструкция антропологии исихазма. Исихастская практика описывается как духовно-антропологический процесс, принадлежащий категории практик себя (термин М.Фуко), т.е. представляющий собой целенаправленное и последовательное преобразование человеком своего существа на всех уровнях его организации, физическом, психическом и интеллектуальном. Ее ключевое отличие в том, что это – *онтологическая* практика себя: процесс преобразования направляется к актуальному изменению способа бытия человека, онтологическому трансцензусу.

Процесс разделяется на ступени, которые составляют знаменитую исихастскую Лествицу («Райская Лествица» – название трактата 7 в. с первым полным описанием всего процесса) и восходят от начальной ступени, отвечающей обращению (событию духовного выбора) и покаянию, к финальной, отвечающей искомому онтологическому трансцензусу человеческого существа, или обожению (*theosis*). В свою очередь, Лествица может быть подразделена на три крупных части, или блока. В первом из них задача исихаста – покаяние и борьба со страстями, что должно обеспечить решительный разрыв с прежним мирским строем существования и сознания человека. За выполнением этой задачи следует ступень исихии, давшая название всей практике: сосредоточенное спокойствие, «священнобезмолвие», в котором все энергии человека, его внимание и усилия меняют свою направленность, свой вектор – от занятости мирским порядком к достижению встречи с иным образом бытия. Эта смена вектора – своего рода экватор практики, когда перед нею встает ее основная задача: обеспечить возможность актуального продвижения в онтологическом измерении, к бытийному претворению. Все обычные антропологические практики такой возможности не дают; для нее необходимо создание так называемого *онтодвижителя* – антропологического механизма, содействующего изменению онтологической ситуации человека, его отношений с иным горизонтом бытия. В исихастской практике этот горизонт есть Божественное Личное бытие, восхождение же к Нему – богообщение, главный способ которого – молитва.

Соответственно, исихастский онтодвижитель представляет собой сочетание, сопряжение двух активностей, молитвы и внимания. Внимание здесь несет вспомогательную функцию: в исихастских терминах, это – *стража молитвы*, устранение всех помех молитве, всех вторжений в ее процесс. За счет этого, молитва принимает особую форму *непрестанной молитвы*, которая усиливается и углубляется, охватывает всего человека и концентрирует в себе огромную энергию, всецело устремленную к Богу как Личности, ко встрече, общению и соединению со Христом. И здесь, на пике этой молитвенной устремленности, в которой человек максимально раскрывает, размыкает

себя навстречу Богу, его молитвенное богообщение становится действительной встречей человеческих и Божественных энергий. Человек фиксирует действие в нем некоторых энергий, источник которых не принадлежит не только ему самому, но и его бытийному горизонту (о чем можно судить по определенным критериям). Направляя все энергии существа своего ко Христу, человек достигает их встречи и сообразования, согласия, сотрудничества с Его энергиями. Это центральное событие духовной практики исихазма именуется *синергией*.

Достижение синергии – кардинальный рубеж в прохождении Пути практики; за ним она входит в свой высший, последний блок. Выстраивание его ступеней выполняется уже не столько энергиями человека, сколько *другими энергиями*: такими, которые вследствие синергии начали действовать в его сознании и всем его существе, но которые он, тем не менее, воспринимает как принадлежащие не ему, а внешнему, *внеположному источнику* – причем внеположному в максимальном, онтологическом смысле. Поэтому в восприятии человека эти ступени строятся помимо его усилий, сами собой, спонтанно. Здесь происходит появление новых форм молитвы, новых способностей и возможностей человека, и это спонтанное повышение дифференцированности и структурированности человеческого существа в системных терминах соответствует динамике самоорганизации. Поскольку же эта динамика реализуется энергиями онтологически внеположного истока, в ней достигается то, что недоступно для человеческих энергий, то есть собственно онтологическое изменение, изменение фундаментальных предикатов способа бытия человека. Иначе говоря, за счет синергии на высших ступенях практики начинаются фундаментальные изменения человека, действительные подступы к финальной цели, обожению. Корпус свидетельств говорит, что такие изменения начинаются с перцепций: появляются новые способности восприятия, именуемые в исихазме «умными чувствами», в которых реально манифестируется новое онтологическое качество – разомкнутость человека к иному образу бытия. Полнота же онтологической трансформации, обожение как таковое, по самому определению, не осуществляется в границах земного существования человека.

Эта аналитическая картина исихастской практики позволяет обнаружить ее важную особенность: взятый в целом, путь практики, проходимый каждым исихастом, имеет структурное подобие пути исихастской традиции, т.е. исихастского сообщества в его историческом существовании. Действительно, путь традиции также делится на три крупных этапа, главные задачи которых соотносятся с тремя блоками практики: этап раннего исихазма (4-6 вв.) концентрируется на задачах отторжения мирской жизни и преодоления мирских установок сознания – задачах первого блока; на этапе так наз. Синайского исихазма (7-10 вв.) происходит выработка методики сочетания молитвы и внимания, т.е. создание онтодвигателя – решение задачи центрального блока практики; наконец, в поздневизантийском исихазме 13-14 вв. (эпоха Исихастских споров и Исихастского возрождения) традиция культивирует и осмысливает мистические «созерцания Света Фаворского», т.е. опыт высших ступеней практики, ее завершающего блока. Изоморфизм исторических стадий развития исихазма и фаз, проходимых практикой каждого исихаста, интерпретируется как аналог биогенетического закона, согласно которому в популяциях биоорганизмов онтогенез (развитие отдельной особи) структурно подобен филогенезу (развитию всей популяции). Мы заключаем, что духовная традиция, или аскетическое сообщество в его историческом бытии, есть аналог популяции живых организмов – своего рода духовный организм, или мета-органическая система.

Что еще важнее, в описанной картине можно увидеть целый ряд антропологических парадигм, идей и понятий, которые обладают высокой общностью и могут быть использованы, согласно нашей стратегии, для продвижения с «исихастского плацдарма» на более широкие области антропологического опыта. Прежде всего, исихастская антропология содержит определенный принцип или парадигму

конституирования человека, формирования его личности и идентичности: человек здесь конституируется в практике своей онтологической трансформации. Сама трансформация совершается Божественными энергиями, дело же человека – открыть, разомкнуть себя навстречу этим энергиям, достичь синергии с ними. Иными словами, человек конституируется, размыкая себя навстречу иному образу бытия, осуществляя путем синергии свое онтологическое размыкание. Если в классической антропологии человек конституируется, актуализуя свою сущность, то здесь перед нами – иной принцип конституции, не опирающийся на сущность человека и вообще ее не предполагающий. Это и есть главный антропологический принцип, заложенный в исихастской практике: принцип или же парадигма конституции человека в онтологическом размыкании. В размыкании человека нам открывается выход к неклассической антропологии и возможная линия ее развития. Заметим для дальнейшего одну черту: опыт онтологического размыкания – это *предельный опыт*, в котором достигаются границы горизонта сознания и существования человека. Подобный опыт имеет много видов и форм, помимо онтологического размыкания, и вся его обширная сфера привлекает огромное внимание современного человека. Далее, исихазм создает и определенный способ описания человека, антропологический дискурс, также отличный от классического. Исихастская практика трансформирует не субстанциальные элементы человека, а его энергии: она берет человека как энергичное образование, совокупность или конфигурацию разнообразных энергий, и занимается целенаправленным изменением этой конфигурации; напротив, она не рассматривает ни сущности человека, что уже сказано, ни других отвлеченных антропологических понятий. Иными словами, исихастская антропология разворачивается не в эссенциальном дискурсе, а в энергичном.

Парадигма размыкания человека, энергичный дискурс антропологической дескрипции, конститутивная роль предельного опыта – все эти «уроки исихазма» дают достаточные возможности для понимающей дескрипции других сфер антропологического опыта. Прежде всего, они доставляют основу для общей антропологии духовных практик. Семейство этих древних практик, созданных мировыми религиями, невелико, однако, как школы чистого антропологического опыта, они имеют важное значение для понимания феномена человека. Реконструкция их антропологии – сложная задача, поскольку большинство из них принадлежит восточным культурам, где духовности и менталитету чуждо европейское мышление в понятиях. Тем не менее с исихастского плацдарма возможно ясно увидеть их основные принципы и структуры. Каждая из духовных практик содержит универсальные структурные элементы, присущие всему их сообществу. Наряду с ними, конечно, имеются многие структуры и свойства, являющиеся специфическими отличиями данной практики; но важно заметить, что в круг универсальных структур входит и базовая парадигма, выделенная нами в исихазме, – парадигма конституции человека в онтологическом размыкании (хотя сама онтология в восточных практиках трактуется кардинально иным образом). И это значит, что неклассическая «антропология размыкания», базирующаяся на этой парадигме, способна доставить понимающую дескрипцию для всех духовных практик. На данном этапе, помимо анализа универсальных структур, в рамках СА проделаны также исследования суфизма и дзэн-буддизма.

Далее СА обращается к современному антропологическому опыту. Как ныне признано, классическая антропология не дает его адекватной трактовки, откуда следует, что данный опыт имеет неклассическую природу. Дополняя этот вывод, СА показывает, что доминирующие в постклассический период формации опыта человека также могут быть описаны на базе парадигмы антропологического размыкания, хотя в них реализуются уже иные репрезентации этой парадигмы, отличные от онтологического размыкания. Прежде всего, СА находит подобную репрезентацию в опыте отношений с бессознательным, которые приобретают ведущую роль в опыте человека к концу 19 в.

(закономерно, что тогда же Фрейдом вырабатывается и концепт бессознательного). Опыт человека в паттернах бессознательного есть явно род опыта размыкания: чтобы действовать под эгидой бессознательного, человек должен открыть, разомкнуть себя навстречу его воздействиям. Но бессознательному не сопоставляется особого онтологического горизонта, и потому размыкание к нему – не онтологическое, а онтическое: размыкание не в бытии, а в сущем. В то же время, бессознательное, по определению, – вне горизонта сознания, и потому опыт размыкания к нему есть предельный опыт, формирующий определенную конституцию человека.

Онтическое размыкание и онтическая конституция могут иметь и другие репрезентации, помимо порождаемой бессознательным. Так, по Хайдеггеру, ницшевский принцип воли к власти также задает онтическую конституцию человека, в силу чего в области (топике) онтического предельного опыта существует не только ареал Фрейда, но и ареал Ницше. В целом же, СА передает основоустройство этой Онтической Топики посредством концепта *онтического зазора*. Онтический зазор – локус Онтического Другого, в отношении с которым формируется онтическая конституция; это – недоступная для опыта зона в сущем, которая возникает, когда элиминировано различие сущего и бытия. Данный концепт связан отношением двойственности с хайдеггеровским концептом *онтологического просвета* (Lichtung): если человек «взирает в просвет», он конституируется из бытия и не может иметь онтической конституции; ergo, в опыте человека присутствуют либо онтологический просвет, либо онтический зазор. Эффект присутствия онтического зазора может описываться двояко: как конституирующее человека воздействие внешнего (онтически, но не онтологически) источника некоторой энергии, либо как изменение, также конституирующее, топологии пространства антропологических проявлений. При этом, если теория духовных практик в СА методологически и эпистемологически родственна теории практик себя Фуко, то топологический способ дескрипции онтических конституций родствен топологической антропологии Делеза-Гаттари.

Человек Бессознательного и другие антропоформации Онтической Топики доминируют в течение большей части 20 в. К этим формациям принадлежит и антропологический опыт тоталитаризма, как в нацистской, так и в советской версии. Дальнейший путь Постклассического Человека показывает его сохраняющуюся тягу к предельному опыту, к экстремальности, испытанию всех границ и пределов. Уйдя в результате секуляризации от онтологического предельного опыта, человек ищет ему замену и не может найти, пробуя все виды предельного опыта и измышляя новые. Вслед за онтическим предельным опытом, к концу 20 в. преобладание получает новый обширный круг предельных практик – *виртуальные практики*. В СА эти практики трактуются как еще один способ конституции человека в размыкании себя; и важно, что данный способ оказывается последним: можно убедиться, что размыкание в бытии, размыкание в сущем и размыкание в виртуал исчерпывают все возможные способы конституции человека как такового в размыкании себя. Каждому из этих способов отвечает определенный вид предельных антропологических проявлений, и всему полному собранию этих проявлений СА дает название *Антропологической Границы*. Последнее утверждение означает, что Антропологическая Граница исчерпывается совокупностью трех базовых топик: Онтологической, Онтической и Виртуальной.

В итоге, возникает цельный каркас антропологии размыкания. Продвижение с исихастского плацдарма достигло искомого рубежа: парадигма онтологического размыкания, заложенная в исихастской практике, обобщается до универсальной парадигмы конституции человека. Имея целый набор репрезентаций, определяющих различные антропоформации, модусы субъектности, личностные структуры, данная парадигма служит ядром радикально неклассической концепции человека – бессубъектной, бессущностной и плюралистической. Благодаря этим качествам,

концепция валидна, вообще говоря, для всего многообразия антропологического опыта, и ныне она успешно применяется в широком поле антропологических проблем (герменевтика телесности, антропология религиозных практик, экстремальных практик, практик актуального искусства и др.).

Однако СА выстраивает и еще один этап своего развития, следуя в том же направлении последовательного расширения и обобщения. На этом этапе она уже переходит границы антропологии как таковой: начинается своего рода *антропологическая экспансия* в смежные дисциплины и дискурсы; а антропология размыкания, выступая как орудие этой экспансии, приобретает новый статус и роль в системе знания.

Первый шаг экспансии – выход в область сопряжения антропологического и социального уровней реальности, или *интерфейс антропологического и социального*: именно здесь происходят сегодня ключевые изменения и процессы, решающие судьбу человека и общества. Базовый концепт СА для этой области – *антропологический тренд*, концепт двойкой антропосоциальной природы. Глобальная антропосоциальная реальность представляется как ансамбль трендов, реализующий синтетическую антропосоциальную динамику, корни которой – на антропологическом уровне. Анализ сегодняшних ведущих трендов (трендов виртуализации, постчеловеческих трендов и др.) ведет к выводу, что в ряду сценариев развития этой глобальной реальности превалирует «сценарий эвтаназии», добровольного безболезненного ухода человека. Однако возникший недавно постсекулярный тренд, вновь отводящий определенное место онтологическому размыканию, способен, вообще говоря, изменить этот сценарий, содействуя сохранению существования человека.

Вслед за интерфейсом антропологического и социального, антропологическая экспансия должна провести новую концептуализацию для всех основных гуманитарных дискурсов. Содержательно, это означает их антропологизацию, раскрытие их антропологической подосновы; методологически, это означает их «переплавку» (метафора Гумбольдта), модуляцию в иную эпистемологию и герменевтику. (Заметим, что для современной гуманитаристики подобная антропологизация отнюдь не есть нечто новое и странное, тенденции к ней и ее зачатки возникали в 20 в. в большинстве гуманитарных наук и всего более, пожалуй, в истории.) Антропология размыкания начинает занимать новое и особое положение в системе знания: выстраивая явные отношения с каждым из гуманитарных дискурсов, она становится общей интегрирующей основой для всего их сообщества, выступает как своего рода мета-дискурс для этого сообщества или, в ином аспекте, как ядро новой эпистемы для гуманитарного знания. Это означает, что в своей новой форме и роли, антропология уже не только «наука о человеке», но также и «наука наук о человеке». Эту финальную трансформацию СА характеризует посредством введенного Кьеркегором понятия потенцирования («возведения в степень»). Итак, завершающий этап формирования СА – этап потенцирования антропологии. В настоящее время он активно разворачивается.

Литература

С.С.Хоружий. Диптих безмолвия. М., 1991.

С.С.Хоружий. К феноменологии аскезы. М., 1998.

С.С.Хоружий. Очерки синергийной антропологии. М., 2005.

С.С.Хоружий. Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии. М., 2010.

Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте. Под ред. С.С.Хоружего. М., 2010.